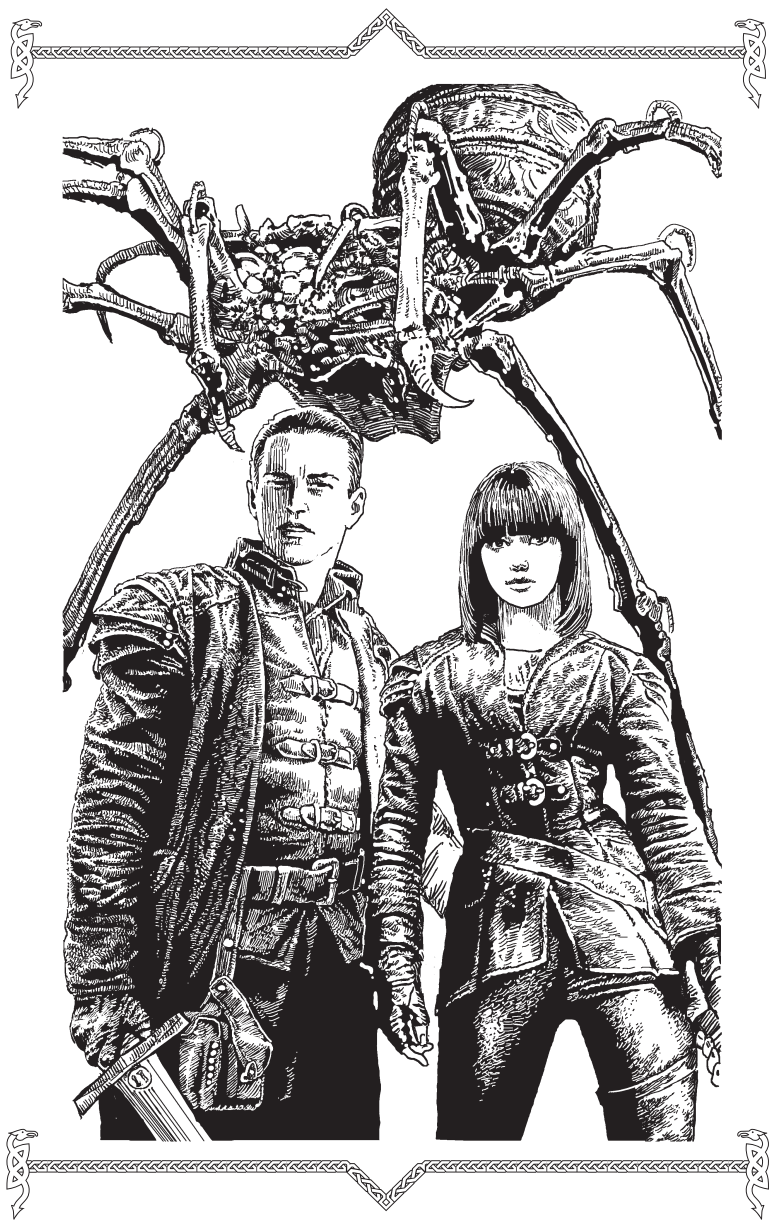

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Вячеслав ЖЕЛЕЗНОВ

**МАГ.
НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ**

Роман

Москва, 2013
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ж51

Серия основана в 2004 году
Выпуск 482

Художник
С. А. Григорьев

Железнов В.

Ж51 Маг. Новая реальность: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 314 с.:
ил.— (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1545-8

Магия... Что, если она не дар, а проклятие? Что, если обладание ею сводит с ума девятерых из десяти? Магические Ордены спасают адептов при помощи сложных ритуалов, джатося, специальных заклятий и гипноза. Но может ли человек, пусть и тренированный боец, справиться со своим даром в одиночку? За его спиной нет Ордена, но с ним знания его мира, лишь чуть отличного от нашего. И его воля к жизни.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1545-8
© Вячеслав Железнов, 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ГЛАВА 1

Голова болела просто жутко. Казалось, при малейшем движении в ней перекачивался бугристый чугунный шар, сминавший мозги в лепешку. Непроизвольно застояв сквозь сжатые зубы, я кое-как перекатился на бок и попытался сесть. Куда там! Мир немедленно закружился и немилосердно ударил в лицо прелой листвой и какими-то полусгнившими ветками. Накатила тошнота. Покопав жучков вчерашним ужином вперемешку с желчью, я незаметно для себя очутился на четвереньках. Уже кое-что. Можно попробовать встать. Ох нет, это я зря. Постою пока. Хруст справа. Успеваю повернуть голову — только затем, чтобы увидеть, как чья-то нога в кожаном сапоге с размаху пинает меня в живот. Ой, опять тошнит... Уже нечем! Темнота...

— Странная добыча нам попалась, не находишь?

— Очень странная, шун Торр.

— Давай по порядку, Маний. Что ты разузнал?

— Да, шун. Итак, во время охоты наш уважаемый мэтр Лирий сообщил, что услышал непонятный всплеск к востоку от загона, где-то между Плесью и Игристой, то есть еще на вашей земле, шун. Я направил туда квад егерей, и к вечеру они принесли его. Нашли точно там, где было указано, голым, никаких вещей и следов вокруг не обна-

ружено. Откуда он взялся, непонятно. Ну, то есть, скорее всего...

— Выводы потом, давай сначала факты.

— Судя по внешнему виду, это человек, мужчина лет двадцати пяти — тридцати. Мэтр Лирий подтверждает, что и внутри тоже. Телосложение среднее, даже хлипковатое, особых примет нет, вот только мозоли необычные. Не наши мозоли. Руки мягкие, небольшие мозоли только у оснований пальцев, словно он иногда подтягивался. Ступни тоже мягкие, он всю жизнь ходил в хорошей обуви. Костяшки пальцев не сбиты. Кожа на руках, лице и шее не обветрена, никаких цыпок или морщин. Чисто выбрит, причем растительность сбрита не только на лице, но и в подмышках и в паху. Зубы в порядке, только на пяти коренных видны непонятные следы. Стрижка необычная, не наша. Кроме того, на месте обнаружения имелись следы рвоты. Егеря собрали их и доставили мэтру Лирию. Ранее такой человек в ваши земли не въезжал и никому не известен. Следящая сеть на границе не нарушена, следов проникновения ни по земле, ни по воздуху нет. Всё.

— Твои выводы?

— Однозначно, не наш. Видно, что горожанин, в поле работал мало или вообще не работал, однако физически крепок, жилист, регулярно питался и хорошо одевался, имел доступ к лекарю. Пицца, кстати, тоже не наша. Повар смог распознать только одно блюдо — что-то вроде небольших колбасок с дрянным содержимым. Могута долго ругался, сказал, что так испортить фарш нужно уметь. Он не нашел в нем мяса вообще! Мэтр Лирий насчет всплеска ничего внятного сообщить не смог — ни с чем подобным он раньше не сталкивался. Зубами же очень заинтересовался — часа два рассматривал. Лекарь этого человека каким-то образом удалил из больных зубов все ненужное и закрыл отверстия непонятным, но очень прочным составом. Весьма странно. Как будто он

не мог просто вырастить ему новые. Исходя из всего этого, считаю, что наш гость появился здесь именно в результате того всплеска. Появился откуда-то очень издалека. Настолько издалека, что мы даже не слышали о месте, где делают отверстия в зубах.

— Замкарье?

— Вряд ли, загар не тот.

— Ладно, гадать не будем. В каком он состоянии сейчас?

— Ну жить будет... Видимо, при появлении здесь ему стало плохо, раз он там заблевал всю округу, даже на сапог егерю попал. А они парни простые, отпинали его как следует, а потом влили ему порядком этой своей сонной гадости. В общем, сейчас спит, должен очнуться ночью или к утру — и я ему тогда не завидую...

— Посади там человека, пусть присматривает, как он себя поведет.

— Уже, шун.

О-о-о... Еще недавно я не понимал, как же мне было хорошо. Болела одна голова. А сейчас... Ур-р-р-р. Уф, откуда во мне столько желчи? Не болит только в паху... Ай, там тоже болит! Такое чувство, будто по мне пробежало стадо очень упитанных бегемотов. Ребра, похоже, треснули, пара штук как минимум. Все тело как один большой синяк, вдобавок то и дело выворачивает наизнанку, в голове туман, небось сотрясение, пальцы на правой руке не сгибаются, распухли, как вчерашние сосиски... Ур-р-р-р. Это я зря, про сосиски-то... Ур-р-р-р...

Ну вот, можно разогнуться. Поздравляю с достижением! Так, садимся, аккуратненько, за стеночку держимся... Что у нас тут? М-да, очевидно, я не дома. Стены коричневые, шершавые, не кирпич — похоже, из тесаного камня, причем все булыжники разных размеров. Под задницей широкая лавка, почти как односпальная кровать, отполи-

рованная сотнями других задниц. Тепло. Воняет кислятиной. Причем от меня воняет. А куда я Борю звал-то? Наклоняюсь и вижу под лавкой нечто странное. Плоский широкий таз овальной формы, *деревянный*. В смысле не корыто из дерева, не долбленка, а что-то похожее на гнутую фанеру. Не знаю, как это описать. Ладно, разберемся. Дальнейший осмотр показал, что нахожусь я в комнате размерами примерно шесть на три, из обстановки только лавка и серое шерстяное одеяло на ней да тазик с отходами моей жизнедеятельности. Окно есть, стрельчатое, довольно узкое, но чтобы выглянуть в него, сперва нужно встать с кро... тьфу, лавки, и дойти до противоположной стены, а на это сил пока нет. Пол ровный, тоже каменный, чисто выметенный. В стенах на уровне пола чернеют небольшие отверстия, как норки для мышей. Потолок, как можно догадаться, ничем от пола не отличается, разве что дырок нет. Ну и дверь — завершающий элемент моих апартаментов. Солидная такая, из темного дерева, перекрещенная толстыми железными полосами с большими заклепками. В двери круглое отверстие в верхней трети — глазок, надо понимать. А в этом глазке чей-то любопытный глаз.

Опа! Тут и живые есть, оказывается. Смотрю на глаз, он смотрит на меня. Эта игра продолжается довольно долго, затем я решаю пока на него плюнуть и посмотреть наконец в окно. Сложная задачка. Так, наверное, шаркают пораженные подагрой старики, мне для полного сходства только палочки не хватает. Э-э, а окно-то у нас непростое. Рамы нет, стекол нет, а вот не дует ни капельки. На улице вроде осень, уныло-печальные горы, кое-где тронутые первым снегом, горы... и еще раз горы. Насколько хватает взгляда, везде горы. И внизу тоже они самые. Еще из интересного — речка, очень быстрая и бурная, вода в ней даже на вид ледяная. Вдоль речки — клочки обработанной земли, кое-где пасутся стада мелких, отсюда не разглядеть, животных. Небо серое, набрякшее

дождем. То есть по всему там должно быть холодно и сыро, а вот мне здесь тепло и сухо. А стекла нет. Интересно... После пристального разглядывания обнаруживаю тоненькую металлическую рамочку, вмурованную в камень примерно на середине толщины стены. Оно? Обшариваю взглядом комнату, пытаюсь найти какую-нибудь щепочку, чтобы сунуть в створ: палец совать — дураков нет. Тьфу, снова этот глаз! Смотри-смотри, вуайерист недоделанный. Решаю оторвать кусочек пряжи от одеяла, в которое я завернулся. Хорошо что я не сунул туда палец — шерсть чернеет, обугливается и... исчезает, как только я пытаюсь с ее помощью пересечь воображаемую плоскость «окна». Нет, ни фигу не воображаемую! При каждом прикосновении она становится видна — слабо светящаяся красным плоскость. Кстати, оттуда слабенько, но ощутимо веет теплом. Это что же, физическая реализация демона Максвелла? В *окне*?

Так, хватит уже отгонять от себя эту страшную мысль! Парень, прости, но, в общем, ты попал.

Не понял... Почему я снова на лавке? Мне уже значительно лучше, но ведь я вроде бы стоял у окна? Так, вспоминаем по порядку: я очнулся, встал, подошел к окну и увидел... что я увидел-то? Горы, речку, две луны... Что? Тут мой взгляд упал на почерневшие остатки шерсти на широком подоконнике, и я вспомнил...

Наверное, мне потребовался час или больше, чтобы немного выйти из ступора, в который меня загнала мысль о том, что я все-таки попал. Крепко попал! Нет, я лично никогда не надеялся на это, но, читая книги о разного рода попаданцах, иногда непроизвольно примеривал на себя подобные сюжеты. В итоге я пришел к выводу, что попасть просто так, с пылу с жару, так сказать, на полушаге, мне очень не хотелось бы. Вот если б знать за

неделю, а лучше за месяц или вообще за пару лет... Ну да, ну да, галушки тоже иногда сами в рот залетают.

Ладно, отставить панику. Примем за данность, что я все-таки в ином мире. Две луны и демон Максвелла говорят об этом однозначно. Сила тяжести, насколько я успел заметить, не отличается от земной, так что прыгать по-барсумски не придется. Воздух — просто песня, чист и свеж настолько, что это даже не горный санаторий. Так. И что делать? Для начала неплохо было бы выжить. Первое, что приходит на ум, — микроорганизмы. К местным болезням иммунитета у меня наверняка нет, как и наоборот. Если возникнет эпидемия, меня пристукнут с той же вероятностью, что и убьет какая-нибудь местная бактерия. Еще и сожгут, наверное. Что-то уныло получается. Согласно этой гипотезе, я уже труп, только мне об этом еще не сказали. Что можно сделать? Да ровным счетом ничего — какое-то количество микробов я уже наверняка вдохнул. А раз ничего, то и думать об этом не стоит. Еще варианты?

...Ага, не думай о белой обезьяне. О чем бы я ни пытался думать, все время возвращался к микробам и скорой своей кончине. Паника ощутимо нарастала. Вскоре меня затрясло, потом накатила просто-таки ужасная злоба. Не выдержав, я начал рвать одеяло и ломать лавку — откуда только силы взялись! Впрочем, лавка была сделана настолько просто и добротно, из таких солидных брусьев, что сломать ее смог бы, пожалуй, кто-нибудь вроде Никиты Кожемяки. Забыв о синяках и ушибах, я бросился к двери и начал колотить в нее изо всех сил. Дверь, словно издеваясь, изредка изволила вздрагивать от особенно сильного удара.

А потом она внезапно распахнулась с такой силой, что меня отбросило на середину комнаты. За дверью стоял высокий старик в белом, похожий на исхудавшего Гэндальфа, и в его руке горел ослепительный огненный шар. Я уставился на шар как замороженный, не замечая ни

толпящихся позади старика вооруженных людей, ни собственной наготы. Магия! Здесь есть магия! Тем временем старик вытянул другую руку, и из нее вылетело что-то вроде короткой молнии. Меня выгнуло дугой, зубы закрипели так, что едва не начали крошиться, и последним проблеском гаснущего сознания я успел еще раз подумать: «Твою мать! Магия!»

— Как ведет себя наш гость?

— Очнулся. Был слаб, его рвало. Немного поизучал комнату, весьма заинтересовался тазом, потом выглянул в окно, потом совал в *тэфис* кусок одеяла и смотрел, что с ним происходит. Потом упал. Никасу пришлось войти и положить его на лавку.

— А если бы это было притворство?

— В коридоре ждал квад воинов.

— Предусмотрительно, как всегда. Что дальше?

— Через полчаса он очнулся и долго лежал — видимо, думал. Потом чего-то испугался, очень сильно, стал метаться по комнате, пытался сломать лавку, которую делал Хлюпик, начал колотиться в дверь. Мэтр Лирий его успокоил «шилом».

— Не слишком?

— Вы бы видели, шун Торр, как он бушевал! Он едва не сломал эту лавку, одеяло вообще разорвал в клочки. Мог и порезаться случайно — на воинах много всего понавешано, да и мэтру синяков понаставить.

— Что сделано, то сделано. Кстати, мэтр его проверил на Дар?

— Еще нет, шун, он вчера сильно шумел в своей башне и еще не восстановился. Говорит, завтра. Хотя лично я сомневаюсь, что он что-то обнаружит.

— Почему, Маний?

— Гость очень удивился, увидев обычный *эфаллум*,

прямо глаз не мог отвести. Определенно он раньше ничего подобного не видел.

— Хм... удивился, говоришь... И зубы у него... Тебе не кажется, Маний...

— Кажется, шун. Я практически уверен. Охрану уже удвоил, егеря с наказом отосланы на дальний кордон, где особенно не с кем языком трепать, разве что с медведями. Со служанками провел дополнительную беседу. И еще так, по мелочи.

— Хорошо. Нужно учить его нашему языку. Вызови Ланку с Плеси.

— Да, шун.

Похоже, то и дело терять сознание входит у меня в привычку. Очередное пробуждение было тоже весьма неприятным. Все тело вновь ломило, во рту было кисло, и глаза никак не хотели открываться. Впрочем, я быстро сообразил, что просто вокруг почти полная темнота, едва разбавляемая какими-то тусклыми красными сполохами.

Находился я, похоже, в той же самой комнате, разве что одеяло было новое, не рваное, да таз сполоснут. По стеночке добравшись до окна, я увидел в нем ту же темноту, ни одного огонька. Вдобавок там шел дождь — отдельные капли то и дело разбивались о подоконник, и брызги благополучно исчезали в красноватых отблесках, не залетая вовнутрь. Делать было решительно нечего, и я вскоре отправился досыпать, старательно не обращая внимания на громко бурчащий желудок. Ребра, кстати, все-таки уцелели и сейчас болели значительно меньше.

Разбудил меня грохот двери — она стукнулась о стену комнаты так, словно посетитель открыл ее пинком. При одном взгляде на худое лицо вчерашнего старика, на котором высокомерие смешивалось с любопытством энто-

молога, стало ясно, что именно так все и было. Старик (про себя я решил называть его Пендальф) сделал несколько пассов ладонью в мою сторону, отчего я сразу напрягся, памятуя вчерашнюю шоковую терапию, однако ровным счетом ничего не почувствовал. Что-то пробурчав себе под нос, он подошел, схватил меня за плечо и небрежным рывком посадил на кровати. В смысле, на лавке. Да какая, к черту, разница! Силица у Пендальфа была страшная, я как-то сразу понял, что этими пальцами он мог и вовсе раздавить мое плечо всмятку. Он начал вертеть меня, словно куклу, осмотрел со всех сторон, заглянул в глаза, в рот, зачем-то постучал по затылку ребром ладони и в довершение всего заставил смотреть на кончик пальца, которым поводил туда и сюда.

Пальцы его были унизаны кучей разнообразных колец, по два-три на каждом, даже на большом, и они никак не гармонировали друг с другом — больно разнородными были по стилю и даже материалу. Складывалось впечатление, что они нужны ему не в качестве украшений, а для чего-то другого. Ну разумеется, он же хренов маг! Нет, все-таки насколько гибко сознание человека, что может успешно обманывать даже самого себя — видимо, оно никак не хотело принимать факты, разрушающие привычную картину мира, и уже любезно забыло недавнюю демонстрацию. Нет уж, дорогой, давай-ка жить дружно... и долго, я ж не пресловутый нагловский лорд, который требовал приносить ему свежие утренние газеты... только с датой выпуска на век раньше. Это другой мир, и здесь есть магия, и замалчивание данных фактов, уверен, не способствует повышению моих и без того скудных шансов на выживание.

Тем временем, пока я проводил внутри себя разъяснительную работу, Пендальф удовлетворился осмотром и направился к выходу, повелительно бросив через плечо пару лающих слов, что-то вроде «Курц ха!». Ничего, естественно, не поняв, я уже собрался снова отправиться на

боковую, но старикан возле порога обернулся, грозно сдвинул брови, а в ладони его уже знакомо затрещала и запрыгала небольшая шипящая молния. Нет, так я не играю — в свое время я уже попробовал полицейского шокера. Пришлось изобразить живейшее внимание. Пендальф все же сообразил, что я «нихт ферштейн», и сделал приглашающий жест рукой. Делать нечего, я завернулся в одеяло и пошлепал за ним, благо камень пола тоже был теплым. Может, хоть покормят.

Как же, покормили. Пока я угрюмо шел за стариком, позади топали два крепких мужика в кожаных шапках и кольчугах, вооруженные длинными ножами и небольшими топориками на поясах, а также короткими толстыми дубинками. Этими дубинками они то и дело сочно шмякали себя по ладоням, отчего я непроизвольно ежил-ся. Мог бы и не ежиться, конечно, но лучше пусть думают... вернее, не думают... неважно, короче. После десяти-минутной прогулки по совершенно одинаковым сводчатым коридорам, поднявшись и спустившись по доброму десятку лестниц, мы оказались в коротком тупичке перед очередной очень солидной дверью. За время пути кое-что я все-таки сумел для себя уяснить. Одежда местных обитателей была явно не фабричная, самошитая, шапки вон вообще чуть ли не дратвой прострочены, на топорах отчетливо были видны следыковки, однако и то и то было примерно одинаковым, на одежде имелось что-то вроде эмблемы или знака отличия — кружок с каким-то узором внутри. Кольчуги из металла серого цвета, очень плотные, как бы даже не восемь в один, хорошо смазанные, длиной до локтя и середины бедра соответственно. Кольца кольчуг же — *сварные*! Оба мужика были чернявыми, ширококостными, умеренно бородатыми и кудлатыми. Похоже, что братья. И они пахли. Нет, они ПАХЛИ. Всю дорогу нас сопровождало непередаваемое амбре из смеси запахов застарелого пота, железа, кожи и

прогорклого жира. Маг не пах ничем, а вот моя кислятина добавляла свою малозаметную лепту.

Дверь открылась по жесту Пендальфа, и мы очутились в его, гм, лаборатории. Большая комната, заставленная массой непонятных штуковин. Я бы назвал это оборудованием, если бы оно не выглядело столь странно. Вот чем может быть нагромождение веток вроде гнезда, в котором стоит тазик с прозрачной жидкостью и при этом по дну шустро ползает муравей размером с ладонь? Или каменный на вид куб, проткнутый насквозь острой деревянной палочкой? Или чья-то клыкастая голова, прибитая здоровенным костылем через темечко к толстой овальной доске? И рядом с каждой штуковиной на специальном пюпитре лежат потрепанные фолианты, совершенно одинаковые — явно лабораторные журналы.

В дальнем углу, на свободном пятачке, стояло сооружение, подозрительно похожее на зубоврачебное кресло в средневековом исполнении. И конечно же Пендальф указал именно на него — садись, мол. Я еще чуть помедлил, оглядываясь по сторонам на предмет наличия инструментов принудительного криптоанализа, ничего такого не обнаружил и под очередное сочное «плюх» (уже слегка угрожающее, кстати) залез в это кресло. Против ожидания, никто мне ноги-руки сковывать не спешил, мужики с дубинками отошли и присели на лавке около стены, видимо, подобные зрелища им были не в диковинку и занимали довольно долгое время. Ну а Пендальф раскрыл на столике рядом с собой плоский деревянный ящичек и начал производить какие-то манипуляции. Ни дать ни взять — стоматолог, готовящийся к приему пациента.

Спустя несколько минут он смешал в стеклянной баночке по несколько капель того и сего, образовавшуюся вязкую жидкость поддел жесткой кисточкой, другой рукой открыл мне рот и ловко нанес субстанцию на все

зубы. По вкусу это было похоже на смолу, с легким ягодным ароматом. Ничего так. Пендальф же придвинул стул поближе, молитвенно сложил ладони перед грудью и немигающим взглядом уставился на мой подбородок. Я ничего не почувствовал. Хотел было пошевелиться, но понял, что не могу. Вокруг головы образовалось что-то вроде невидимой пленки, очень тугой и прочной. Пока я не двигался, она вообще не ощущалась, однако любое движение сковывала, как намотанный скотч. Руками и ногами можно было шевелить спокойно, однако что толку, если голова в капкане? Заметив мои трепыхания, один из воинов отрицательно покачал головой, показал ладонь, а затем — дубинку. В самом деле, чего это я? Может, у них тут визит к стоматологу так обставлен.

В общем, тем все и закончилось. Пендальф медитировал еще минут пять, потом встал и ушел, ни на кого не оглядываясь. Лоб у него был потный, и мне показалось, что ступает он несколько неуверенно. А еще показалось, что зубы у меня начало чуть-чуть жечь. То ли на самом деле, то ли воображение разыгралось — под таким взглядом оно у кого хочешь разыграется. Пленка с уходом мага исчезла, но подняться с лежбища не дал тот же воин — он поставил рядом маленькие песочные часы и что-то прогудел. Песок пересыпался минут за десять, и после этого мы вернулись обратно в кам... комнату.

Там кто-то подмел и поставил посередине деревянный стол, а рядом лавку поменьше. На лавке обнаружили штаны и рубаха из грубой некрашеной ткани. На столе стоял деревянный поднос с толстыми ломтями хлеба, куском чего-то вроде пареной репы и кувшин. Вот тут-то оно и накатило. Я внезапно почувствовал, что хочу — очень хочу! — пить, есть и сс... в туалет. Немудрено, пугание ихтиандра обезводило организм, ел я вообще не помню когда, а таз, как назло, кто-то убрал. Ладно, будем решать проблемы в порядке важности. Одевшись, я, повернувшись к воинам, приложил руки к развилке меж-

ду ног и сказал: «Пс-с-с». Меня поняли. О-о, благословенная мужская солидарность! Толчок оказался в конце длинного коридора — просто маленькая квадратная комната с овальной дырой в центре пола. Там же стоял истертый веник, плетеный короб с камнями и пара кувшинов с водой, большой и маленький. Кувшины, кстати, были довольно примечательные, невысокие и широкие, на манер чайника, с коротким носиком и крышкой. На крышке чем-то белым, похоже известкой, был выведен знак «приблизительно равно». Я хмыкнул. Сделав свои дела, вернулся в коридор, где поджидал воин. Сразу в комнату мы не пошли, вместо этого он загадочно поманил за собой и провел к противоположному концу коридора, приоткрывающему к более широкому проходу. Указал пальцем на что-то на стене. Я присмотрелся и увидел точно такую же металлическую рамку, что была в окне. Пол, стены, потолок — все точно. Воин ткнул в нее, сделал вид, что переступает через плоскость — и провел большим пальцем себе по горлу. Вполне красноречиво. Я кивнул, и мы вернулись в комнату. Воин небрежно окинул ее взглядом и ушел, опять же не попрощавшись.

Оставшись в одиночестве, я задумался. Похоже, мой статус изменился. Теперь мне можно выходить в коридор, в комнату добавили мебели, еды принесли... Ладно, будем жить. Я уселся за стол и начал метать куски. Стеречься отравы смысла не было ни малейшего. Хлеб оказался очень вкусным, никакого сравнения с магазинными кирпичами, репа — она репа и есть, вернее, неизвестный мне отварной корнеплод. Ну а в кувшине была просто вода. Что интересно, всякие истеричные мысли о микробах меня больше не беспокоили — видимо, многократная перезагрузка сделала свое дело. К концу трапезы я почувствовал нарастающее жжение в челюстях. Там пекло. Там зудело и свербело, словно орда маленьких гномов с отбойными молотками и кирками Дурина под-

биралась к корням зубов и пыталась выкорчевать их пятилеткой в три года.

К вечеру выпал первый зуб. Я метался по комнате разъяренным орангутангом, колотил в стены лавкой, обломки стола давно были зачихнуты в угол и многократно оплеваны. Ни сидеть, ни спать было невозможно — во рту поселились уже два хирда гномов и сверлили и копали так, что просто элберет твою гилтониэль. Барук вам в гхыр, улундо уванимо! Десны воспалились — не прикоснись, язык вообще с трудом ворочался, плевать приходилось слюной пополам с кровью.

К утру я превратился в младенца. В смысле у меня не осталось ни одного зуба вообще, и я уже не мог даже пошевелиться, в тупом оцепенении лежал на полу и смотрел в никуда. Хотелось плакать, но даже на это сил не было. Вся вода давным-давно была выхлебана, новой не ожидалось — ночные буйства в коридоре привели ко вполне предсказуемому эффекту — пришли давешние мужики и заперли комнату на засов. Снаружи. Вот и приходилось тихо хрипеть на полу, облизывать растрескавшиеся губы и мечтать об океанах прохладной пресной воды...

В чувство меня не смог привести даже звук отодвигаемого засова. Кто бы там ни был — гхыр с ним, и идет он на гхыр тоже! Скрип двери... и все. Не понял... Минуту спустя, когда ожидание стало совсем уж нетерпимым, все-таки пришлось посмотреть в ту сторону. В дверном проеме стоял, нерешительно переминаясь с ноги на ногу, подросток лет пятнадцати на вид. Явный принеси-подай, одежда, осанка и выражение глаз прямо-таки кричали об этом. Глаза, кстати, были нехорошие. Любопытные, живые, но... мутные. Такое я раньше уже видел, дома. (Эх, где теперь тот дом?) Такие смотрят на плачущего ребенка и

прикидывают, сможет он еще громче заорать или нет. Па-скудные у него были глаза.

— Гх-хх... Чх-х-х... — а говорить-то без зубов и не получается, мало практики, так сказать. Ух, как десны болят!

Паренек только отодвинулся с легкой опаской. Попробуем по-другому: тычок пальцем — ты, тычок себе в грудь — мне, губы трубочкой, ладонь ковшиком — фьюить — попить, тычок в кувшин — воды, жест к себе — принеси. Дошло? Дошло! Парень исчезает и спустя минуту возвращается с пузатым кувшином. Буквально вырываю его из рук и с полминуты, наверное, могу только жадно глыкать. Вода-а-а... Вдруг я краем глаза ловлю взгляд паренька, и что-то в нем заставляет меня насторожиться. Он глядит с этакой гаденькой усмешечкой и нездоровым интересом...

А ну-ка... Помнится, в детстве в школе у нас был такой же хорек. В класс перевелся мальчик-чукча, который русский язык знал ровно настолько, чтобы не потеряться по дороге домой, а писать умел и того хуже. К слову, математиком он был Отцовым благословением, диффы и интегралы в уме щелкал, как белка орешки. Так вот, однажды Авыныквын — так его звали, все еще шутили, что это единственный в мире аналог сталинского «вылысыпыдысты», — имел неосторожность обратиться за помощью к тому хорьку. Спросил, как написать «Таня, ты красивая, давай дружить». Написал согласно совету и долго потом смотрел вслед рыдающей Тане, а на щеке горел след ее ладони. Впрочем, в итоге все равно вышло хорошо. Хорька спустили искупаться в дыру, после чего он навсегда заимел кличку Скунс, а Таня сразу после школы вышла замуж за Авыныквына, лауреата Имперской премии по математике.

Так вот, этот парниша взглядом походил на хорька один к одному. Где он мог мне... Да ну на фиг! Быстро опустив глаза, обнаруживаю знакомое «приблизительно равно» на крышке. Та-ак... Паренек уже бежит в выходу,

хорошо у него задница соображает, но только вот нужен он мне теперь... Очень нужен. Крышка кувшина, тяжелая обожженная глиняная крышка, разлетается на куски точно у него между лопаток. К порогу уродец подъезжает уже носом, остальное тело безвольно расслаблено и только подергивается. Ну что, поговорим? Сажусь на него, беру руку на болевой и неторопливо вывихиваю указательный палец. Что? Ты еще и обмочился? Слушай, а это идея. Вытираю своей замечательной новой тряпкой лужицу, сам сливаю краник в пресловутый кувшин и сую под нос болезному. Не хочешь? А придется... Полтора пальца спустя оно сдается. Так, так, еще немного, до конца... Ну вот мы и квиты. Теперь свободен. Свободен, я сказал! А если пнуть посильнее? Так-то лучше.

Немного прибираюсь в комнате, осколки крышки складываю в кувшин и ставлю в угол. Под другую стену ставлю маленькую лавку и сажусь на нее. Заворачиваюсь поплотнее в покрывало. Успел. В коридоре слышен громкий топот. Что-то быстро вы. Похоже, в здешних горах совсем даже не спокойно, раз такой уровень alertности. Ну вот, что и требовалось доказать. Четыре здоровых мужика, правда, гораздо попроще, чем вчерашние воины. Типа внутренняя стража. Хех, даже вбежать в дверь правильно не могут, продавливаются, как... Удар кулачищем в ухо сносит меня с лавки, и дальше остается только лежать в позе заключенного и стараться уберечь жизненно важные органы. Темнота...

— Идиоты. Отрыжка Каная, плесень Йегуса, лакрима миксум люте!

— ...

— Установлено, как все произошло?

— Нечего там устанавливать, шун. Мэтр Лирий заделал обновление зубов нашему гостю, сами знаете, каково это. Парень из прислуги, Лакий Мероэ, на просьбу при-

нести воды подсунул ему *какхис*, а тот догадался и в отместку заставил ублюдка выхлебать полкакхиса своей мочи. Ну и пару пальцев вывихнул.

— Не сломал?

— Вот именно — не сломал, а вывихнул. Не самое простое дело. Потом он выпнул его наружу... И тут начинается самое интересное. Он стал готовиться к тому, что скоро его будут бить. Сел, как сел бы я сам, упал так, что пинать его могли только трое из четверых, и ухитрился не дать этим олухам ничего себе сломать. Так, лицо расквашено да синяки на конечностях, плюс сотрясение.

— Интересно... Бывал, значит, под конем-то... Так! Весь квад стражников отдать братьям, чтоб пыль из гамбизонов им выбили, Мероэ — двадцать плетей, этому подлатать слегка лицо, остальное само заживет. Глядишь, поспокойней будет.

— Э-э, шун! Братьям не получится, Мишан в дальний патруль ушел, а Кочумат должен Махия сопровождать. Может, Гобу их, тот как раз *нажис* вывозить должен?

— Занятная шутка. Отдашь их Ланке, чтоб ума вколотила, потом, когда та закончит, пусть сразу приступает к делу.

— Да, шун.

ГЛАВА 2

В общем, «и лежал он на печи тридцать лет и три года». В смысле я отлеживался на лавке во все той же надоевшей до смерти комнате. Ничего ценного хмыри-неумехи отбить мне не смогли, били как мобили, как вчерашние лавочники, так что ходил я свободно и почти не морщась. Позавчера приходил Лирий — это тот старикан, подрабатывающий здешним магом. Представился, был сразу мысленно переименован в Делирия, в два касания залечил мне лицо и ушел. Натурально — сделал два

касания, а дальше оно само зажило за пару часов. Явно мог так же свести и все остальное, но не стал, гад этакий. Похоже, местное начальство крепко держит руку на пульсе. Ну а я в ответ притворился жутко болящей развалиной и уже второй день пролеживаю бока на лавке. Меня никто не трогает, не теребит, так что вариантов всего два — или за мной и в самом деле никто не наблюдает, или они держат марку и нагоняют туман, имея запас времени. В первое не верю, при наличии мага-то, а второе печально, ибо означает наличие у руля хороших мозгов.

А-а, я не сказал: здесь пахнет войной. Уж эту тревожную тень различить можно всегда, пускай у меня и нет посетителей. Рамка в окне прекрасно пропускает звуки, поэтому жизнь сего населенного пункта известна мне в изрядных подробностях, кроме разве что лиц обитателей. Так вот, в голосах людей отчетливо слышится нотка подступающей грозы. По тому, как на нее реагируют, вполне можно судить и о вещах более абстрактных. Например, здешние женщины встревожены, но уверены в силе своих воинов. Угроза, чем бы она ни была, представляется им весьма серьезной, но вполне одолимой. Власть крепка и ведает о насущных проблемах — это я видел собственными глазами. Там, внизу, на склоне горы, идет глубокая траншея, хорошо замаскированная, так, что сразу и не разглядишь, и хорошо оборудованная, по понятным причинам без изломов и траверсов, однако с ячейками, частичным блиндированием, банкетом, какими-то отнорками и дощатым настилом. По тропинкам рядом с траншеей мальчишки гоняют скот, животных, похожих на очень крупных безрогих коз, чуть поменьше коров. Вчера мальчишка заметил, что в одном месте обвалилось метров пять задней стенки траншеи и сломалась хворостяная прегородка. Через пару часов пришли мужики и быстро все отремонтировали, причем работали совсем не из-под палки.

Оп! Что за... Открывается дверь. Интересно, а шагов

по коридору слышно не было. В дверь просачивается гость... гостья. Девушка лет двадцати пяти, рост метр семьдесят, на поясе небольшие ножны, другого оружия не видно, одета во что-то рабочее — штаны и куртка, волосы — длинное каре, блондинка. Фигура интересная, стройная, но грудь маленькая, талия почти как у меня, да и двигается она слишком плавно. Не хотел бы я с такой драться...

А придется! Она спокойно и быстро подошла ко мне и с ходу ткнула в солнечное. Лицо ее при этом не выражало никакой агрессии и вообще ничего не выражало. Ладно, задумка твоя ясна. Птица повыше, чем служки и стража, желает сразу указать сверчку на его место. Умом понимаю, но вот не люблю я этого. Ударила она, кстати, красиво, очень резко и правильно, однако я уже скручивал корпус, превращая вышибающий дыхание удар в безвредное скольжение. А кулачки у нее острые. По ходу движения двоечку навстречу, тоже в корпус. Не прошли, блок и отход. Ну и ладно.

Что теперь? А, хоть какое-то выражение на чистом, симметричном лице. В иное время я бы, пожалуй, засмотрелся. Злитесь. Не привыкла, чтоб ей перечили. Дочь местного начальника? Сейчас прыгнет. Что, поднимем ставки? Поднимем.

Ох, и быстра же ты, девица! И ловка, и умела... Отбиваться я, в общем, успеваю, но без встречи — не самое легкое дело, особенно если учитывать состояние моего организма. Может, хватит? Нет. А вот это уже серьезней... Разозлилась, что все усилия пока напрасны, и поперла по-настоящему. Раз калечащий удар, два, три... Оп! Уже потенциально смертельный — в горло... Хорош. Играешь в мужские игры — отвечай тоже серьезно. В искусстве состязаться с ней не стану, незачем. Достанет простой силы. Проворот, перехват за запястье... и это конец. Сжимаю ладонь, трещат ломающиеся кости, захват за пояс, и я просто прыгаю вперед, на нее, и всей массой об-

рушиваюсь сверху. Теперь пару раз лбом в нос, чтобы ослепла, не дать ударить в пах, но это уже трепыхания, драться в партере она явно не умеет, кулаком слева в висок, еще раз, еще, приподняться на коленях и два мощных удара в грудь. Все.

Опять приходится рвать одеяло. Связать, снять пояс, снять обувь — нечто вроде мокасин без всяких украшений, вывернуть карманы. Да, у нее на одежде есть карманы, много. А вот барахла в них мало. Короткий прямой кинжал с пояса, пара монет светлого металла с чьим-то носатым профилем, двадцать медяшек, кожаный шнурок, сломанная деревянная расческа. Расческа с секретом, внутри длинная игла, видимо закаленная стальная, поскольку тоже сломана во время нашей борьбы.

Проверяю состояние пленной — живет, дышит, только как-то нехорошо. Разбитые нос и губы кровят, на руке лучезапястный перелом со смещением, но это все ерунда, хрипы в груди и частое поверхностное дыхание гораздо хуже, как бы не внутряк. Придется поработать Доктором Азбукой¹. Привожу девушку в полусидячее положение, оперев спиной на малую лавку, которую, в свою очередь, одним концом кладу на кровать, привязываю руки к туловищу, обматываю ее одеялом вместе с лавкой. Все, больше я сделать ничего не могу. Пора идти сдаваться. Опускаюсь ремнем с кинжалом, вздыхаю и иду в коридор. Вернее, хочу пойти, так как, развернувшись, вижу нацеленный на меня арбалет, а над ним — уже знакомый глаз, тот же, что давеча подглядывал в дверь. Приехали.

— Маний, я тебя не узнаю в последнее время. Сдаешь, что ли?

— У него были слишком дерзкие глаза, шун Торр.

— Девка — дура, это ей не козочек беспомощных в партии бить! Что мэтр говорит?

---

¹ Доктор Азбука — Dr. ABC, англоязычная формула оказания первой медицинской помощи. Полностью — DRABC, где D — danger (опасность), R — reaction or response (реакция), A — airway (дыхательные пути), B — breathing (дыхание), C — circulation (циркуляция крови).

— Ничего особенного, шун: рука, три ребра и селезенка. Через неделю будет снова скакать.

— Две. Две недели как минимум, скажешь Лирию. Это надо же додуматься! Никто не знает, что в голове у чужака. Как еще не убил дуру! Когда-нибудь она нарвется окончательно. Кто теперь будет учить его языку людей?

— Мисина, шун.

— Мм, хорошо, пусть попробует. А вообще, как тебе гость?

— Головы не потерял, сбежать не пробовал, убить Ланку тоже не старался — наоборот, оказал ей помощь. Мэтр говорит, довольно правильно.

Сухой смешок.

— Три ребра — не старался?

— Ничуть, просто так рисунок боя сложился. Вон Мишан с Кочуматом тоже — люди говорят, лучше пусть саблей рубанут, чем кулаком вдарят, так хоть какой-то шанс будет. Да и вы сами...

— М-да... Что там с Ланкиным кинжалом?

— Да вот...

Меня опять не убили. Выносившие девицу воины так зыркали в мою сторону, что становилось ясно, что они прямо-таки мечтают о любом сопротивлении. И дождались. Кинжал я не отдал. Что с бою взято, то свято. Со стороны это смотрелось смешно — босой человек в портках с одним коротким ножиком против четырех крепких мужиков в сплошном железе, вооруженных дубинками, короткими мечами и арбалетом. Но тут выбирать не приходилось. Согнешься сейчас — так оно дальше и будет. В итоге можно и до сверленных ложек докатиться.

Старший из воинов прогудел что-то в усы, типа «Мужик, не дури, давай сюда, а то порежешься», и протянул широкую ладонь. Я криво улыбнулся, перехватил железку обратным хватом другой рукой и стукнул себя в грудь

кулаком. Мое. Тот прогудел еще раз, уже жестче — «Давай сюда, а то сам возьму». Пришлось скривить улыбку еще больше. Удар в воздух и снова в грудь — «Я взял, мое». При этом я старательно кособочился, якобы от боли в ребрах. Воин покачал головой, коротко бросил что-то остальным, и к нему присоединился еще один. Они шагнули вперед...

Когда я смог наконец подняться с пола, кинжал лежал не там, куда я бросил его в начале сшибки — не в углу под лавкой, а торчал в центре стола. Хорошо так торчал, душевно — могучим ударом он был вбит в столешницу по рукоять, прошив толстенную доску насквозь. А с понятием тут ребята, и нравы не слишком от наших отличаются. Надо понимать, и порядок навели, и кто тут хозяин продемонстрировали, и гостя уважили. Били со знанием дела, но беззлобно, для порядка. Кстати, натурные испытания показали, что голыми руками драться с людьми в кольчугах с гамбизонами, поножах из толстой кожи и кожаных же сапогах с подошвой в два пальца, по разрушительному воздействию ничуть не уступающих хорошим берцам, практически бесполезно. Только пальцы обдирать. Единственным более-менее уязвимым местом оставалась голова, но кто ж даст по ней ударить? Уж явно не эти молодцы в сварных кольчугах индивидуальной подгонки.

С трудом вытащив кинжал из стола, я занялся его осмотром. Непростой ножичек-то. Прямой полторалезвийный однодольный цельнометаллический, обмотанная шнуром рукоять, выгнутая вперед крестовина. Заточен правильно и на совесть, с упором на протыкание, в наше время такое редко встретишь. Ну да, раз они тут на холодняке сражаются, значит, дело жизни и смерти, а с этим не шутят. Металл обычного серого цвета, без единого пятнышка ржавчины, возле крестовины клеймо — кружок с ноготь, в нем два стилизованных молота параллельно друг другу, концами в разные стороны. Ба, да кру-

жок-то травленный! И только в нем проглядывает настоящая душа этого клинка — мелкие волнистые извивы и крапинки золотисто-коричневого цвета. Я аж крикнул.

От разглядывания дива дивного меня отвлекла вновь открывшаяся дверь. Пришел парень-служба, другой, но примерно того же возраста, что и давешний пакостник. Принес поесть, шустро сгрузил большую миску, кружку и кувшин на стол и ушел, только раз стрельнув в меня любопытным глазом. В миске оказалось что-то вроде жидкого пюре, щедро сдобренного белым порошком, по вкусу и запаху — толченой яичной скорлупой, в кувшине — чистая прохладная вода. Самое то для моих горящих огнем челюстей.

В комнате я просидел еще неделю. Выходить никуда не хотелось, да и сил не было. Стремительно вырастающие зубы отнимали у организма все ресурсы, нестерпимый зуд и жжение сопровождалось субфебрильной температурой, вдобавок доставшиеся мне за последнее время тычки и сотрясения вкупе с многочисленными потерями сознания никак не способствовали хорошему самочувствию. Так что мои маршруты были простыми: лавка — стол — туалет — лавка. Пюре-кашица оказалось очень сытным, помимо растительности в нем чувствовалась хорошая доля мяса, да и волоконца нет-нет да попадались. Все было перетерто настолько тщательно, что я даже посочувствовал местным поварам. Впрочем, наверняка это они мне сочувствовали. Если Делирий так обходится с каждым... К примеру, у приносившего еду мальчишки не было трех зубов, из чего я сделал вывод, что мэтр либо не хочет, либо не может выращивать зубы по отдельности, а только лишь всем скопом. Тогда неудивительно: я бы тоже предпочел терпеть до последнего, попросту вышибая пораженные кариозными монстрами зубы. К тому же я сомневался, что у местных тут сладкая

жизнь. В смысле это мы, испорченные дети цивилизации, регулярно раскисляем свою эмаль всякими шоколадками да карамельками, прямо как в песне поется: «Над шестою частью суши гордо реет «Марс» противный», а вот еще в позапрошлом веке кариес был признаком весьма обеспеченных семей. Доходило до того, что некоторые дамочки специально чернили зубки — примерно так же, как век спустя люди потели в жару в черных машинах с наглухо закрытыми окнами.

К исходу четырнадцатого дня огонь в челюстях пошел на убыль. Опухшее лицо, напоминавшее свекольного цвета подушку, опало и приняло более естественную форму, близкую к изначальной. Я наконец-то смог прикоснуться ко рту и ощупать свои новые зубы. Да, все как на подбор, даже зубы мудрости, которым раньше не хватало места на челюсти, отчего они причиняли массу неудобств каждую весну. Прикус идеальный, все настолько ровно и красиво, причем без всяких скобок, что хоть на выставку достижений стоматологии. А потом кое-что произошло.

Я в тысячный раз ощупывал языком зубы, как вдруг ощутил, что надоевший до смерти зуд прекратился. Наногномы прекратили ковырять остеоны, побросали свои кирки и пошли на перекур. И ощутилось это настолько четко и ясно, как будто где-то далеко лопнула тонюсенькая ниточка. Даже не знаю, какую аналогию подобрать — ну, словно сперва ревел ураган, потом он превратился в шторм, в тяжелую зыбь... а затем все выключили. Вот просто так, был ветер — раз, и нет его, полный штиль. Это что же, я... почувствовал? В смысле, раз Пендальф заматировал мне зубы, значит, я сейчас каким-то местом зафиксировал прекращение действия его... ну, заклятия, что ли. Выходит...

Почти неосознанным жестом я вытянул руку по направлению к окну и... другой отвесил себе хороший подзатыльник. Вот идиот ведь, а? Что, когда учили водить

технику, тоже газ сразу в пол до упора вжимал? Нет? А какого демона тогда сейчас выделяваюсь? Может, это просто возможность ощущать, а не Дар. Или вообще глюк от радости, или ощущение не собственно магии, а реакций более не подгоняемого тела, да мало ли что еще. Так, срочно лечь на лавку, руки вдоль туловища, дышим, дышим... «Ом, ом, вэнитэ эн-соф», три раза с полной концентрацией, теперь «Аум — кассийяна — хара — шанатар-р»... «До — ин — сан — тан — ал — ва — ро — ам — си — та — роа»...

И только теперь, успокоившись, смотрю на перышко на полу в трех шагах от лавки, тихонько дую на него и одновременно делаю некое странное усилие внутри себя, словно пытаюсь пошевелить хвостом, который у меня был всегда, но только все время находился под действием анестезии. И перышко шевельнулось...

Я быстро закрыл глаза, словно захлопнул заслонки амбразур в доте, максимально расслабил мышцы — оказывается, все они были страшно напряжены и зажаты, будто я в одиночку разгружал вагон с чугунием, и принялся думать. Вернее, честно старался хотя бы не слишком обалдевать. Потребовалось больше часа и множество мантр, чтобы более-менее прийти в себя, после чего я стал рассматривать ситуацию под разными углами. «Кто виноват?» — вопрос не стоял, так что оставалось только извечное «Что делать?».

Кстати, а как магичил Делирий? Он ведь тоже не произносил никаких слов, не делал жестов и не чертил рисунков. Просто смотрел. Это хорошо, поскольку я всегда с подозрением относился ко всяким вербально-ритуальным и жестовым магическим системам в различных художественных произведениях. Ну не лежала душа к ним, смешными казались выкрики «Эспекто патронум!» или дирижирование палочкой оливкового дерева. Почему тогда чучело на поле или жестяной рупор не колдуют? Конечно, есть концепции спускового крючка или мэт-

ровские «звуки имени Бога»... но, по моему мнению, это все паллиативы. А вот магия, приводимая в действие усилием воли, мыслью, гораздо более интересный вариант. Физическая реализация... ну, оставим ее пока. В моем-то мире магии нет точно, иначе эксперименты на ускорителях давно бы ее уже засекли — там просто страшные цифры после запятой.

С другой стороны, скажем, чтобы научиться сносно «двигать хвостом», ученик сперва морщит лоб и делает пассы руками да еще помогает себе произнесением затверженных звуковых последовательностей. Потом, с ростом умения отбрасываются внешние проявления, пока не останется чистое мыследействие. Как гипотеза пойдет — одна из многих.

По некоторым косвенным признакам ясно, что Делирий здесь единственный маг и подчиняется напрямую местному руководству. Отсюда следует, что магов в этом мире вообще не так уж много, и занятие это должно изрядно повышать социальный статус... Хм... вообще-то шатко — я навскидку могу привести массу контраргументов...

И таким вот манером я обсасывал имеющиеся сведения почти до ночи. Особо выдающихся умозаключений не сделал, но хотя бы привел их в систему. Стало ясно, где и какие имеются белые пятна, хотя, если честно, пока было с точностью до наоборот — ровный фон «тумана войны» кое-где освещали редкие точки света. По ним не получалось не то что определить намерения противника, но даже толком представить себе рельеф местности.

А ночью пришла Мисина. Это я выяснил утром, в темноте же она была просто теплой и ласковой незнакомкой. Никаких анатомических отличий от земных женщин у нее не имелось, а пахла она просто умопомрачительно — чистой кожей, чистой, продутой морозными горными

ветрами одеждой, корицей и медом и чем-то незнакомым, терпким и волнуяще-загадочным. Кстати, она была первой, кто удосужился поинтересоваться моим именем. Этот странный выверт поведения местных как-то прошел мимо моего сознания, а теперь заставил не на шутку напрячься. Вдруг меня прочат на роль будущей жертвы, главного блюда на званом обеде или чего-то подобного? Мы же не спрашиваем у утки, как ее зовут, — берем и фаршируем... Проверки ради я назвал Мисине свой ролевой псевдоним — Рэндом.

Теперь, когда старый враг уже век как вплавлен в камень своей Каледонии, люди стали более терпимо относиться к когда-то ненавистным звукам чужой речи. Слышал, кое-где даже появились общества реконструкторов, изучающих полузабытый язык высокомерных наглов и декламирующих творчество потрясателя копьём в оригинале. Власть, в том числе и Сам, смотрели на это дело с отеческой усмешкой. Отчего бы и не поплясать на костях, когда враг повержен во прах, и оный прах уже перестал светиться по ночам. Однако от деда-ветерана, понтонера 5-й ПОМБр¹, лично мочившегося в Канал, я знал о масштабах и накале тех боев и презрительных шуточек насчет наглов себе не позволял никогда. Ходил в наше местечковое общество в основном потому, что там седоусый дядька обучал всех желающих бою на холодном оружии. Майор в отставке Грязнов считал, что в жизни есть четыре стоящих штуки — конь, шашка, автомат и женщина. Ничему особенно крутому я так и не научился, это удел спецов, меняющих свое время на навык, однако хотя бы не опасался порезаться каким-нибудь кинжалом. Кстати, такие капитаны и майоры, к восторгу ребятни, были при каждом ДДТ², ролевом обществе, в каждой школе внештатниками НВП³, ну и так далее. Император

---

¹ Понтонно-мостовая бригада.

² Дом детского творчества.

³ Начальная военная подготовка.

серьезно относился к вопросу преемственности поколений.

Так вот, отвлекся что-то, Мисина восприняла представление как должное и теперь спокойно называла меня по «имени». Уф, немного отлегло! Как я понял, она была приставлена в качестве учителя языка... и языком владела отменно. Такой способ обучения отлично мотивирует, могу сказать теперь на собственном опыте. Слова и выражения ложились в память, словно благословленные Мнемозиной. Надо сказать, появление в моей жизни Мисины помимо массы прелестных моментов принесло еще и кучу проблем. Кто-то очень постарался, чтобы она ассоциировалась у меня со всем хорошим и положительным, например мне разрешили выходить и передвигаться в ее сопровождении по замку — да, это оказался самый настоящий замок, — выдали хорошую одежду, теплую, удобную и прочную, стали лучше кормить, да и вообще, у женщины не может не быть каких-то своих проблем, от банального ПМС до неудовлетворенных карьерных ожиданий — у любой, кроме Мисины. И даже нельзя было сказать, что она так хорошо отыгрывает, просто она так жила. Само собой выходило, что любое дело спорилось и кипело в ее руках, солнечного цвета шевелюра упрямо выбивалась из-под платка, а ребятня и всякая дворовая живность так и ластились к ней, соревнуясь за добрую улыбку и небрежно-ласковое прикосновение к ушам. Ради интереса, однажды ночью я попытался смоделировать в уме ситуацию, когда мне нужно будет ее убить, — и похолодел. Я бы не смог! Неделя, ей потребовалась всего неделя, чтобы надежно застраховать себя от всякой нехорошей активности с моей стороны.

Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться о том, что каждое утро Мисина заносит отчет кому надо, да она это и не слишком скрывала, пару раз оставляя меня подождать у входа в восточную башню. При всем том постижение основ местного языка шло у нас с

ней ударными темпами. В день я учил около ста пятидесяти слов, ухитряясь при этом не забывать пройденное вчера. Вот где пригодилась практика изучения медицинской латыни, когда мозги скрипели схожим образом. Главным препятствием было произношение. Я пока физически не мог издать ряд звуков, которыми свободно переговаривались местные. Здешнее «у», похожее на шведское (ну да, «Виллагатан шюттон»), — это еще цветочки, горловые согласные были гораздо хуже, ну а дифтонги просто приводили меня в ужас.

Постоянное присутствие Мисины рядом затрудняло еще и изучение магии. По некотором размышлении я решил не сообщать никому о наличии у меня способностей по верчению перышка, пока не узнаю побольше об окружающем мире. Потому осторожные эксперименты приходилось проводить даже не под одеялом — там была Мисина, а в отхожем месте. Кстати, мэтр Лирий несколько дней назад учинил над моей тушкой некий эксперимент, сильно смахивающий на определение Дара.

...Очередная прогулка с Мисиной привела к двери его лаборатории. Я был затянут туда хмурым, невыспавшимся мэтром, усажен на первый попавшийся табурет и нахлобучен пыльной широкополой шляпой выдающихся размеров. Против ожиданий, шляпа не пыталась выкрикнуть название моего факультета, а просто послужила своеобразной повязкой на глаза — ее поля закрывали вид почти полностью. Потом Лирий содрал ее и водрузил вместо шляпы нечто вроде цилиндра без верха. В него незамедлительно была засыпана пара литров гладких черных камешков, и такими же камешками мэтр обклеил мне руки. В довершение всего он сунул мне большую восковую свечу. Зажженную. Чувствовал я себя донельзя глупо — с ведром гальки на голове, руки измазаны какой-то гадостью, да еще и свечку держу. Может, он просто так развлекается? Но язычница моя сидит очень серьезная и даже дышит через раз. Так, маг сел напротив и немигаю-

щим взором прикипел к моей переносице. Не самое приятное ощущение — взгляд не поймать никак, а бурение чувствуется очень хорошо, аж зазудела кожа. Так, стоп! Или кожа зудит совсем не виртуально?

Твою ..! Как я удержался от того, чтобы не подскочить и не шваркнуть старикана по голове, сам не знаю. Зуд резко прекратился, но вместо него нахлынуло куда более мерзкое ощущение. Как в старом пошлом анекдоте — «Загибай!», только тут тебя еще и пожарным шлангом накачивают, пока не лопнешь. И я лопнул. Время остановилось. Со мной такое бывало раньше, и в кошмарах, и наяву, когда все происходит медленно-медленно, а сделать ничего не можешь. Сила — да, я понял, это была сила старого мага, тошнотворно-отвратная на «вкус», как протухшая рыба слизь, — потоком растеклась по венам и устремила к свече. Я почувствовал, что сейчас огонек на конце фитиля превратится в ревуший факел, выдавая меня с потрохами... и снова шевельнул «хвостом».

Пробовали когда-нибудь перекрыть руками поток на магистральном трубопроводе? Вот-вот, без могучей запорной арматуры это совершенно невозможно. Остановить поток силы мага я мог ровно с тем же успехом, слишком уж несоизмеримы были наши возможности, однако я мог кое-что другое. Не можешь запретить — возглавь! И, судорожно трепыхая куцым «хвостом», я стал мало-помалу поворачивать этот мерзкий слизистый сель. Но куда? Да хотя бы сюда! Неважно, что это. Сейчас главное — не дать потоку добраться до свечи. Ох, мерзко-то как! Каким-то чудом, странным наитием, мне удалось распределить силу порциями по всему телу, буквально по каждой клеточке, и еле-еле впитать ее в себя. Рассказывать долго, а на деле все это не заняло и десятка секунд. Факел так и не вспыхнул, и разочарованно поджавший губы маг выпихнул нас с Мисиной наружу. Чинно зайдя за поворот, я бегом бросился в нужник. Чувствовал я себя как бурдюк, переполненный тухлой жи-

жей, — и от нее надо было любым способом избавиться. Пугал ихтиандра я долго и тщательно, однако долгожданное облегчение все не приходило. Немудрено — причина тошноты была совсем иная, нежели банальное пищевое отравление, простым освобождением желудка не отделаться. Требовалось что-то другое, причем немедленно. Становилось все хуже и хуже, стены вращались и плясали перед глазами, дыра в полу аж троилась, и я на полном серьезе опасался в нее ухнуть. Последние остатки осторожности не давали попытаться зажечь огонь или совершить еще какую-нибудь глупость, но ждать далее становилось невозможно. Как это часто бывает, в подобных случаях выход находится там, куда в здравом уме ни за что бы не сунулся. Рассудив, что раз уж сила уже распределена по телу, то пусть клетки ею и занимаются, я сделал еще одно страшное усилие и ничком повалился прямо на камень пола. Последняя мысль была: «Не свалиться бы в яму».

От последствий эксперимента этого трехнутого мэтра пришлось отлеживаться еще два дня. Головокружение, высокая температура, постоянная жажда и столь же постоянная тошнота сделали жизнь штукой почти невыносимой. Всем беременным и рожавшим женщинам мужа должны ставить памятник при жизни. Мисина помогала, как могла, — обтирала, клала холодную тряпочку на лоб, водила в конец коридора и молчала. За последнее я готов был носить ее на руках, когда поправлюсь, поскольку за щебет хотелось прибить даже птичку на ветке за окном. А третье утро началось с волшебного ощущения присутствия Мисины под одеялом, дразняще-нежного и сладостно-неторопливого. Я был свеж, бодр и полон сил, что немедленно и доказал. После завтрака же мир вновь повернулся ко мне своей прозаической стороной и объяснил, в лице пожилого тощего (sic!) ключника и моей симпатичной переводчицы, что раз я не одарен, читай — ни на что не годен, то должен работать руками.